

Academia. Архитектура и строительство, № 2, стр. 182–186.
Academia. Architecture and Construction, no. 2, pp. 182–186.

События
Рецензия

DOI: 10.22337/2077-9038-2024-2-182-186

Новый шаг в исследовании архитектурного наследия Восточной Пруссии в Калининградской области

Дементьев Илья Олегович (Калининград). Кандидат исторических наук, доцент. Институт образования и гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта (Россия, 236014, Калининград, ул. Александра Невского, 14. БФУ им. И. Канта). Эл. почта: idementev@kantiana.ru

Белинцева И.В. Архитектура Восточной Пруссии: избранные статьи и фрагменты. Калининградская область. – Калининград: Живём, 2023. – 464 с., ил. ISBN: 978-5-6048592-4-7

Новая книга Ирины Викторовны Белинцевой, заведующей отделом архитектуры и градостроительства Нового времени НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства, продолжает серию её работ, вышедших ранее в Москве и Калининграде. Заслуги автора как ведущего специалиста по истории архитектурного наследия самого западного российского региона признаны профессиональным сообществом, которое с энтузиазмом встречает каждую публикацию по теме, игнорировавшейся отечественной наукой в течение нескольких десятилетий как по идеологическим причинам, так и в силу легкообъяснимого недостатка компетентности немногочисленных исследователей.

С точки зрения жанра, это сборник статей, опубликованных ранее в различных, в том числе малотиражных, изданиях. Такая книга не претендует на статус монографического исследования, однако в действительности становится таковым, если принять во внимание значительный объём фактического материала, обилие иллюстраций, системный характер авторского подхода к истории

архитектурного наследия российского эксклава. Собственно, сама организация издания по главам говорит о её имплицитном монографическом характере.

Исследование опирается на колоссальную источниковую базу – И.В. Белинцева много и плодотворно работала с архивными документами и фотоматериалом, она превосходно знает немецкую (не говоря уже о российской) литературу как по общим проблемам истории архитектуры, так и по истории Восточной Пруссии – Калининградской области.

В книге шесть глав, разных по объёму и тематике, однако сквозным мотивом через весь текст проходит ряд идей автора. Историк архитектуры вносит свой вклад в решение актуальных задач по охране культурного наследия – снабжает учёных, чиновников, владельцев и пользователей зданий результатами скрупулёзного исследования процесса складывания ансамблей, эволюции стилей, метаморфоз государственной политики. Перипетии поиска опытными профессионалами градостроительных решений на разных этапах истории региона интересны сами по себе, но профессиональная разработка этой проблематики приобретает особую ценность.

Первая глава посвящена реализации идей зодчества в период перехода от Ренессанса к Новому времени: И.В. Белинцева исследует символику валунной кладки в восточнопрусской архитектуре (некоторые сомнения, впрочем, вызывает оправданность применения термина «Восточная Пруссия» по отношению к изучаемому периоду, равному семи столетиям; де-юре провинция с таким названием появилась лишь в 1773 году; впрочем, это название в расширительном смысле использовали и немецкие авторы). Характеризуя историю валунного зодчества, автор снабжает читателя множеством подробностей как технического, так и культурологического плана. В частности, И.В. Белинцева высказывает гипотезу о сознательной ориентации руководства Тевтонского ордена на реализацию специфической идейно-символической нагрузки валунной архитектуры. Осваивая территорию Пруссии, рыцари прибегали к планировочным и строительным решениям, позволяющим утверждать духовный

авторитет католической церкви. Метафорика каменного строительства в Библии становится в этом случае ключом к пониманию особенностей валунного зодчества, воспроизводившего в некотором смысле идеал Небесного Иерусалима в чуждом ландшафте Юго-Восточной Прибалтики. Такая интерпретация открывает новые возможности для более глубокого и свободного от идеологических стереотипов осмысления культурных практик ордена в Пруссии. В эту же главу включён очерк Д.Д. Радиновича об архитектуре при дворе прусского герцога Альбрехта, содержащий полезные сведения, источником которых по большей части выступает классическая работа Г. Эренберга¹ [4].

Вторая глава книги – солидная по объёму (более ста страниц!) – характеризует усадебное наследие Калининградской области. И.В. Белинцева анализирует трудности, с которыми сталкиваются исследователи этого наследия в российском регионе: необходимость рассматривать усадебные комплексы в контексте общеевропейской истории архитектуры; напряжение, обусловленное конфликтом культурных традиций; специфика утраченной повседневной культуры юнкерских поместий. Задачи, стоящие перед наукой, носят не только теоретический, но и прикладной характер: поместные дома находятся под угрозой исчезновения, а некогда присущая им повседневная культура не имеет шансов на воспроизведение в новой социально-политической и экономической реальности.

Охарактеризовав современное (увы, преимущественно печальное) состояние усадебного наследия на территории, считавшейся в прошлом «страной усадебных домов и дворцов» (с. 60²), И.В. Белинцева далее снабжает читателя очерками, посвящёнными судьбе самых примечательных памятников. Источники, на которые она опирается, разнообразны и зачастую малодоступны. Это прежде всего визуальный материал – литографии (отдельный очерк посвящён коллекции А. Дункера в Институте Гердера в Марбурге), исторические и современные фотографии, планы зданий. Автор сосредоточивается на описании этапов и

особенностей постройки и перестройки (под влиянием эволюции стилей архитектуры) усадеб, смены владельцев, развития научного интереса к истории замков и дворцов в довоенной Германии. Некоторые из памятников уже утрачены (как, например, имение Трентлак), другие эксплуатируются в наши дни, хотя и претерпели значительную переделку (например, дворец Гросс Гольштейн в микрорайоне Прегольском в Калининграде).

В главе содержится богатейший материал по истории десятков усадеб в регионе. Некоторым уделено особое внимание – так, в частности, уникальным памятником с типичной судьбой предстаёт на страницах книги усадьба Хохлинденберг (пос. Подлипово Правдинского района), которая после многих перемен сегодня представляет собой скромный жилой дом владельцев с сооружёнными на рубеже XIX–XX веков гигантскими по размеру хозяйственными сооружениями из красного кирпича (ныне разобранными). Освещены и проблемы изучения сельских усадебных парков, дающих представление о своеобразии культурного и природного ландшафта, в который они были вписаны. Детально рассмотрена история парка имения Байнунен (пос. Ульяновское Озёрского района) – приведён редкий иллюстративный материал, подробно охарактеризованы интерьеры усадебного дворца (с. 124–139).

Завершает главу очерк, в котором анализируется поиск «восточнопрусского стиля» в конце XIX – первой трети XX века. Сугубо эстетические дискуссии вокруг доминировавшего стиля необарокко сменились обсуждением стратегий восстановления разрушенного Первой мировой войной хозяйства провинции. В начале 1920-х годов Восточная Пруссия стала полигоном для экспериментов мастеров нового поколения. Однако, как показывает И.В. Белинцева, необарочный стиль сохранил свои позиции, хотя в усадебном ландшафте можно было встретить и «более новаторские архитектурные формы» (с. 142).

В третьей главе «Архитектура Восточной Пруссии: вопросы истории» читатель погружается в мир регионального зодчества

¹ Ehrenberg, H. Die Kunst am Hofe der Herzöge von Preußen (Leipzig ; Berlin : Giesecke & Devrient, 1899. – 287 S.).

² Здесь и далее ссылки на рецензируемую книгу даются в круглых скобках с указанием номера страницы.

Сокольники. Бывший дворец Лангендорф. Арх. не установлен. 1865 г. Фото И.В. Белинцевой

Гусево. Амбар в усадьбе Гросс Гни. Арх. не установлен. Первая пол. XX в.

XVIII – начала XX века. Очерк об усадьбе и саде Фридриха Сатургуса в Кёнигсберге восполняет заметную лакуну в городской истории. Вместе с А.В. Левченковым И.В. Белинцева описывает «швейцарский стиль» аристократических особняков в провинции (утраченных полностью); характерно, что наряду с реализованными архитектурными решениями авторы рассматривают проекты вилл – такой подход придаёт дополнительную убедительность выводам о популярности этого стиля в XIX – начале XX века. Несомненную ценность для историков представляет очерк зарождения и развития концепции «города-сада» в Кёнигсберге, начиная с конца позапрошлого столетия (отдельно сказано о самом ярком примере воплощения в жизнь этой концепции – знаменитом районе Амалиенау). От комплекса зданий в стилистике «северного модерна» в современном Калининграде на улице Фрунзе сохранилось только одно, но И.В. Белинцева восстанавливает историю ансамбля, и её очерк снабжает бесценным материалом экскурсоводов, которые приводят туристов посмотреть на знаменитое здание «Кройц-аптеки».

Четвёртая глава называется «Архитектура и искусство Восточной Пруссии 1915–1945 годов». Её открывает очерк о проблемах сохранения памятников павшим в Первой мировой войне – как установленных в период Веймарской республики, так и новейших, возведение которых было приурочено к столетию войны в 2014 году. В конце своеобразного каталога памятников И.В. Белинцева приходит к выводу о том, что «главная задача в деле успешного сохранения воинских памятников – это осознание мемориальных объектов Великой войны как фактов общеевропейской культуры и как мест памяти российских воинов, похороненных в когда-то чужой, а теперь ставшей нашей стороне» (с. 262).

В следующих очерках освещены истоки формирования центра современного Калининграда, охарактеризована судьба ряда сохранившихся зданий довоенной постройки, в том числе образцов «кирпичного экспрессионизма» – на этом новаторском направлении И.В. Белинцева останавливается особо. Примеры кирпичных сооружений, которые можно увидеть сегодня в Калининграде, Гусеве, Советске, Балтийске, помогают автору прийти к заключению, что экспрессионизм в целом (как и его

Кёнигсберг (совр. Калининград). Вилла С. Винтера. Арх. Ф. Ларс. 1910–1912 гг.

«кирпичный» вариант) «представляется трудноопределимым явлением, включающим разнородные элементы: новаторские, или “левые”, и традиционные “правые” ценности» (с. 302). В фокусе внимания автора оказывается и «спартанский классицизм», ассоциируемый с именем Ф. Ларса: предпринятые этим выдающимся архитектором попытки обратиться к классике на новом уровне, с учётом опыта модернизма и рационализма 1910–1920-х годов, признаны успешными, и многие работы Ф. Ларса по сей день принадлежат к числу важнейших объектов культурного наследия Калининградской области.

В следующем очерке Ф. Ларс открывается с неожиданной стороны – как автор литографий, изображавших Кёнигсберг эпохи Иммануила Канта. Эти реконструкции архитектурных видов города второй половины XVIII столетия прежде всего отражают высокий уровень науки первой трети XX века, но также выступают материалом для изучения творческой биографии художника и ценным (хотя и косвенным) источником по истории городской застройки. Глубоким сочувствием проникнуты строки И.В. Белинцевой в конце этого очерка: «Цикл литографий с изображением достопримечательностей Кёнигсберга, частично уже утраченных к моменту создания художественных листов Ф. Ларсом, его литературные комментарии к городским видам свидетельствуют о “внутренней эмиграции” когда-то успешного и востребованного архитектора. Ларс... не нашел своего места в системе государственного проектирования периода национал-социализма. Уход в далёкую историю представлялся бегством от реальности с безраздельно господствующей “коричневой чумой”» (с. 352).

Две последние главы книги посвящены различным аспектам организации охраны и реставрации памятников архитектуры. К этой части возникают вопросы с точки зрения композиции: пятая глава «Охрана и реставрация памятников архитектуры Калининградской области», судя по названию, не вполне отвечает наименованию книги в целом, однако де-факто она состоит из двух очерков, освещающих историю охраны памятников в Восточной Пруссии до 1945 года и в Калининградской области советского периода (1945–1991 годы). Несмотря на некоторое противоречие между названием и содержанием главы, автору

Неман / бывш. Рагнит. Здание бывшего «партайбурга». Арх. и дата не установлены. Фото И.В. Белинцевой

удётся показать парадоксальную преемственность в вопросах охраны наследия. В Восточной Пруссии система охраны наследия сложилась в XIX веке во многом благодаря королю Пруссии Фридриху Вильгельму IV. На нескольких страницах И. В. Белинцева рисует портрет хранителя памятников искусства в королевстве А. Ф. В. Р. фон Кваста, сыгравшего заметную роль в организации систематической работы в этой сфере. Становится понятно, что сохранившимися сведениями о культурном наследии региона историки обязаны не только коллегам из числа предшественников, но едва ли не в первую очередь прусским чиновникам, известным своей педантичностью и ответственным подходом к делу. Автор книги находит добрые слова о замечательных специалистах, занимавших должность провинциального хранителя памятников истории и искусства, и прежде всего об А. Бёттихере и Р. Й. Детлефсене.

Этапы становления советской системы охраны памятников охарактеризованы с опорой на нормативные документы, сохранившиеся в Государственном архиве Калининградской области перечни и паспорта памятников. И. В. Белинцевой удалось передать драматизм судьбы памятников довоенного времени, отношение к которым кардинально изменилось лишь по прошествии десятилетий, когда многие из них уже были утрачены. Современное состояние системы охраны культурного наследия не стало предметом исследования, хотя из нескольких скупых фраз по его поводу можно сделать вывод об оценке ситуации автором. При всех успехах в защите и восстановлении ряда памятников во многих, слишком многих случаях картина остаётся безрадостной: уникальные объекты разрушаются, а усилий властей, общественности и профессиональных кругов всё ещё недостаточно, чтобы сохранить уникальный для нашей страны историко-культурный ландшафт.

В чём же можно усмотреть континуитет между довоенной и послевоенной системами охраны памятников? Государственные инстанции проводили систематизацию материалов, касающихся памятников, ставили их на учёт и стимулировали их научное изучение. Конечно, государственная политика в Пруссии по отношению к национальному наследию сильно отличалась от советской, столкнувшейся после 1945 года с наследием чужой культуры; лишь в постсоветский период, когда идеологизированность оценок пошла на спад, этот подход претерпел изменения.

Гастелло (бывш. Гросс-Фридрихсдорф). Школа. Арх. не установлен. 1930–1931 гг.

И всё же общее между двумя системами можно увидеть и в другом: в обоих случаях достижениями мы обязаны занимавшим различные должности энтузиастам – профессионалам высокого класса, чей культурный и образовательный уровень обуславливал ответственное отношение к наследию. И здесь историк искусства А. Бёттихер, архитектор Р. Й. Детлефсен, историк Э. М. Колганова, музейный сотрудник А. Е. Цыганкова и многие другие специалисты оказываются по одну сторону баррикад в борьбе за общеевропейское культурное наследие.

Заключительная глава «Архитектура Калининградской области советского времени», казалось бы, ещё в большей степени, чем предыдущая, выбивается из общего ряда. Она включает лишь один очерк («Архитектура соцреализма в Калининградской области»), и таким образом могла бы быть органично объединена с пятой главой. Эта глава получилась в шесть раз меньше, чем, например, вторая, что представляется не самым удачным решением композиционных проблем. Однако содержание этой главы вписывается в общую концепцию книги: И. В. Белинцева рассматривает послевоенную судьбу немецких зданий, подвергнутых реставрации и / или переделке в советское время, а затем переходит к анализу тенденций в развитии социалистического реализма на примере общественных сооружений 1960–1980-х годов. Как и в случае других стилей, доминировавших в регионе до Второй мировой войны, опыт внедрения соцреализма в местную градостроительную практику становится отправной точкой для размышлений о важных концептах из теории и истории архитектуры: «...понятие соцреализма, практиковавшееся в культуре советского времени, было ёмким, многосторонним и растяжимым. Оно включало, прежде всего, концептуальные представления об ансамбле, который представлялся особым способом взаимодействия искусств в пространстве города, в архитектуре отдельного здания или его интерьера» (с. 415). Существование в одном контексте уцелевших в пожарах войны довоенных строений и новых, – возводимых по советским канонам и в соответствии с экономическими и техническими возможностями позднего социализма – зданий, сформировало уникальный опыт городского развития, изучение которого полезно и для понимания локальной специфики развития архитектуры в СССР, и для реконструкции противоречивой судьбы восточнопрусского культурного наследия.

Приложения включают перечень вопросов для инвентаризации памятников искусства, составленный в 1844–1845 годах, переведённый на русский язык автором; реестр сохранившихся в Калининградской области усадебных домов; библиография, список источников иллюстраций и указатель географических названий. Все эти материалы крайне полезны для ориентации в безбрежном море фактического материала, который собран в книге.

К несомненным достоинствам книги (помимо внушительного объёма информации) относится то, что И. В. Белинцева впервые представила галерею портретов видных восточнопрусских архитекторов – Макса Шёнвальда, Отто Вальтера Куккука, Курта Фрика, Ханса Хоппа, Фридриха Ларса. Биографии сопровождаются характеристикой сохранившихся в области работ этих мастеров.

Так получилась настоящая энциклопедия восточнопрусской архитектуры (прежде всего первой половины XX века). В ряду имён обращает на себя внимание красноречивое отсутствие Фридриха Хайтмана (есть лишь описание построенных им усадеб), но биографический очерк о нём был включён в предыдущий сборник статей автора³. И.В. Белинцева очень тщательно подбирает биографический материал – очерки представляют собой последнее слово науки, причём науки мировой, потому что и в немецкой литературе наблюдается дефицит публикаций об этих значительных представителях региональной творческой элиты. Следует отметить и уважительное отношение автора к своим героям, освещение судеб которых в мрачные годы национал-социализма требует известной деликатности.

Исследование такого масштаба не может быть свободно от недостатков, но найти грубые фактические ошибки в книге трудно. В основном, погрешности допущены в малозначительных деталях нарисованной автором панорамной картины архитектурного наследия северной части Восточной Пруссии. Так, например, утверждается, что кёнигсбергская улица Динтерштрассе в современном Калининграде не существует (с. 217); на самом деле это улица Яновская, названная в честь парламентария времени штурма Кёнигсберга – П.Г. Яновского (1917–2005). Памятник работы М. Шемякина в Гусеве ошибочно назван «Памятник русским воинам, погибшим в сражении при Гумбиннене 20 августа 1914 г.» (с. 260), его правильное название – «Памяти забытой войны, изменившей ход истории» (собственно, воинов на памятнике нет, там один воин между двумя женскими фигурами). Упомянув город Ширвиндт, И.В. Белинцева указывает, что это «совр. Кутузово, Краснознаменский район» (с. 265), но эти сведения неактуальны – пос. Кутузово не существует, он был снят с учёта в 1978 году⁴. Есть неточности и в очерке Д.Д. Радиновича. Так, например, автор, упоминая Криспина Герранта (Crispin Herrant), указывает: «...годы жизни не установлены» (с. 30), хотя год смерти Герранта (1549) известен исследователям⁵. Фамилию герцогского архитектора Фридриха Нусдёрфера (Nußdörfer) Д.Д. Радинович почему-то транслитерирует как Нусдорфер. Опечатки в тексте встречаются крайне редко, прежде всего в именах собственных – например, «Багратиновский» вместо «Багратионовский» (с. 41), «Растхоф» вместо «Ратсхоф» (с. 269), «Броедерзен» вместо «Бродерзен» (с. 379, 443) и т.п.

Поскольку часть статей, включённых в издание, была опубликована ранее, неизбежны повторы и разночтения, связанные с требованиями разных журналов и сборников. Пожалуй, книге не помешал бы научный редактор – для придания концепции внешней целостности, а научно-справочному аппарату – единообразие. Тогда удалось бы избежать терминологического разнобоя, когда при упоминании первого прусского герцога Альбрехта он называется то «Великим магистром» (с. 10), то «верховным магистром» (с. 27), то «хохмайстером» (с. 12, 71). Не всегда отличается единообразием принятая автором терминология: «спартанский

классицизм» Ф. Ларса (с. 304) в ходе обсуждения его истории становится «“спартанским” классицизмом» (с. 321). Книга А. Ульбриха называется в одном месте (с. 67) «История искусства Восточной Пруссии с Орденского времени до современности», а в другом (с. 84–85) – «История искусства Восточной Пруссии от Орденского периода до настоящего времени»; нет единообразия в использовании транслитераций имен собственных (Генрих на с. 151 и Хайнрих на с. 146 и т.п.); на одной и той же странице (с. 193) Кречман соседствует с Кречманном. Есть и незначительные технические замечания к оформлению ссылок: книга D.R. Trampenau (с. 240, сн. 585) якобы издана в Кёнигсберге в 2019 году (в действительности это название выпуска, а не место издания).

Книга содержит множество ценных иллюстраций – как исторических фотографий и планов, так и снимков, сделанных в последние годы автором и другими лицами. Несмотря на то что это чёрно-белые иллюстрации (трудно вообразить, во сколько обошлось бы издание, если бы текст сопровождали цветные фотографии), они хорошо отражают характер обсуждаемых автором стилей и памятников, современное состояние объектов наследия. В то же время многочисленные планы зданий и проекты, которые приводятся в книге, исполнены в таком разрешении, что содержащаяся на них информация (размеры, названия помещений и т.п.) практически недоступна читателю даже с весьма острым зрением. Таковы чертежи на с. 72, 102, 103, 218, 232 и далее – по всей книге. Нет сомнений, что увеличение этих изображений повлекло бы за собой утолщение книги, но в имеющемся виде эти планы дают лишь самое общее представление о форме обсуждаемых в книге объектов. Может быть, издательству имело бы смысл включить в текст вместо иллюстраций QR-коды, ведущие на изображения в таком разрешении, которое позволило бы с ними работать. Так делают в последнее время некоторые издательства (например, «Новое литературное обозрение»), хотя читателям «старой школы» это, конечно, едва ли понравится.

Тем не менее все указанные недочёты не смогут отменить того факта, что книга со скромным названием «Архитектура Восточной Пруссии: избранные статьи и фрагменты. Калининградская область» – это заметное событие в российской историографии. Она уже заняла достойное место на книжных полках специалистов по региональной истории и охране культурного наследия, а также экскурсоводов и просто ценителей старины. Плод многолетних исследований автора, книга И.В. Белинцевой – это знак благодарной памяти по отношению к нескольким поколениям архитекторов, чьими творческими решениями сегодня гордятся калининградцы, но это также профессиональный и ответственный взгляд на наследие. Взгляд, который делает очевидной необходимость принятия экстренных мер по спасению уникального историко-культурного ландшафта Калининградской области, оказавшегося несколько десятилетий назад в зоне ответственности российского государства.

³ Белинцева, И.В. Архитектура Восточной Пруссии: факты и интерпретации. Калининградская область (Калининград : Живём, 2020. 400 с. – С. 119–136).

⁴ Малые города Калининградской области : энциклопед. справ. (Калининград : Аксиос, 2011. – 440 с. – С. 134).

⁵ Ehrenberg, H. Die Kunst am Hofe der Herzöge von Preußen (Leipzig ; Berlin : Giesecke & Devrient, 1899. – 287 S. – S. 27).